

DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.1.02

УДК 93:261.7

ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ПРИКАМЬЯ: РЕФОРМАТОРЫ, БУНТАРИ ИЛИ КОНФОРМИСТЫ?

С.В. Рязанова

Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН, г. Пермь, Российская Федерация

О СТАТЬЕ

Получена: 04 февраля 2020 г.
Принята: 07 марта 2020 г.
Опубликована: 31 марта 2020 г.

Ключевые слова:

русское православие, обновленческое движение, Прикамье, духовенство, церковная жизнь.

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является определение реформаторского потенциала обновленческого духовенства Западного Урала как условия проведения церковной реформы в 1920–1940 годах. В качестве задач для достижения цели были поставлены следующие: установить факт готовности местного духовенства к участию в реформе, определить его готовность к протесту, выяснить основные социальные стратегии клира. Решение их основано на использовании регионального материала, как наиболее точно отражающего реалии социальной и церковной жизни. Для анализа привлечены документы из фондов архивов Пермского края, в частности документы Пермского епархиального управления за 1922–1927 годы. Объектами исследования стали внутрицерковная переписка, докладные, отчеты, рапорты, жалобы и прошения духовенства и мирян. В качестве методологической основы были использованы принцип историзма и комплексный анализ социального явления, дополненные системным анализом документов с элементами функционалистского анализа. Для восполнения утраченных сведений применялся информационный метод, позволяющий учитывать значение получаемой информации.

Реформаторский потенциал прикамского духовенства был определен как очень низкий. Это было обусловлено авторитарным стилем проведения церковной реформы, низким уровнем образования большинства иереев, их информационной и психологической неподготовленностью и традиционным укладом жизни. Поэтому реформаторство проявлялось только во внешнем виде и изменениях в личной жизни местного духовенства. Протестные настроения имели несколько направлений. Наименее выраженным было сопротивление новым преобразованиям Советской власти. Более частыми были локальные конфликты со сторонниками патриарха. Массовый характер имели только попытки сопротивления указаниям руководства, основанные на собственной выгоде и карьерных планах. Самым распространенным стал протест против общественной морали, приводящий к падению авторитета клира и разложению церковной жизни. Ведущим элементом в мировоззрении местного духовенства стал конформизм, вызванный как привычным подчинением церковной и светской власти, так и множественном экономических проблем. Доминирование конформистских настроений определило слабость провинциального клира как реформаторов и усилило тенденцию к снижению роли рядового священника в отечественном православии.

© ПНИПУ

© **Рязанова Светлана Владимировна** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>, e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

© **Svetlana V. Ryazanova** – Philosophy Doctor, Leading Researcher of Department of Researching of Political Institutes and Processes, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>, e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE RENOVATIONIST CLERGY OF PRIKAMYE: REFORMERS, REBELS OR CONFORMISTS?

Svetlana V. Ryazanova

Perm Federal Research Center of Ural division
of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 04 February 2020

Accepted: 07 March 2020

Published: 31 March 2020

Keywords:

Russian Orthodoxy, renovationist movement, Prikamye, clergy, church life.

ABSTRACT

Research objective is measurement of reformatory potential of renovationist clergy of the Western Urals as factor of church reform carrying out in 1920-1940. The tasks of article are to understand whether the clergy was ready to participate in reform, to fix some elements of its protest behavior as base for changes, to clarify the main social strategies of clergy. The answer to the questions is based on using of regional material as the most precisely reflecting realities of social and church life. The documents from archive funds of Perm Krai with documents of the Perm diocesan administration for 1922–1927 are used to the analysis. Intra church correspondence, reports, reports, official reports, complaints and applications of clergy and laymen became objects of the research. The principle of historicism and the complex analysis of the social phenomenon complemented with the system analysis of documents with elements of the functionalistic analysis have been used as a methodological basis. The information method which considers value of information was applied to complete the lost data. Researching of historical sources has shown that reformatory potential of the Kama clergy was very low. It was inspired by authoritative style of church reform carrying out, low education level of most of priests, their information and psychological unpreparedness and traditional style of life. Therefore reformation was shown only in appearance and changes in private life of local clergy. Protest moods of provincial clergy had several directions. Resistance to innovations of the Soviet power was expressed poorly. The local conflicts with the patriarch's supporters were more frequent. Only the attempts of resistance to the disposals of the church administration based on the principle of own benefit and career plans had mass character. The protest against public morals became the most widespread and lead to the falling of the authority of clergy and decomposition of church life. The conformism caused as habitual submission of church and secular power and a set of economic problems became the leading element in outlook of local clergy. Domination of conformist moods has defined weakness of provincial clergy as reformers and has strengthened a tendency to decrease a role of the ordinary priest in domestic Orthodoxy.

© PNRPU

XX век стал для русского православия временем больших потрясений, связанных не только с антирелигиозной политикой. Одним из способов изменения конфессионального пространства, наряду с попытками построить атеистическое общество, стало обновленческое движение, которое с момента своего появления неоднократно становилось объектом исследовательского внимания и обусловило складывание обширной и разнородной историографической традиции. Ее «церковное» направление делало акцент на самом факте нового «церковного раскола» [1, с. 174–180], используя внутрицерковный дискурс для определения сути обновленчества. «Идеологический» сегмент составили представители официальной отечественной историографии [2, с. 151–158], трактовавшие новую церковь как доказательство нежизнеспособности религии [3, с. 22–26, 36–39, 55–60]; [4, с. 49–56]; [5, с. 73–74]; [6, с. 34–36]; [7, с. 157–162]; [8, с. 64–57]; [9, с. 41–64]; [10]. В постсоветский период унифицированная трактовка обновленческого движения уступила место помещению этого явления в рамки теории модернизации отечественного православия в работах [11, с. 210, 240], [12, с. 29–34], [13], [14, с. 40–54]; [5, с. 35–46] в контексте более широких тем. Непосредственно церковному движению как феномену, затронувшему все сферы общественной жизни, были посвящены исследования [16, с. 5–50], [17] и [18]. В зарубежной

историографии короткое существование новой церкви чаще всего также рассматривается как часть общеисторического процесса в ряду событий прошлого века – у Г. Фриза, Г. Юнга, Дж Уайнот, Д. Калканджиевой [Подробнее см. 2, с. 151–158]. Лишь Д. В. Поспеловский сделал его предметом особого внимания, видя в реформаторском движении одновременно и внутреннюю церковную потребность, и государственную политику [19, с. 197–227]; [20, с. 67–81].

Очевидно, что данное явление церковной жизни представляет собой большое исследовательское поле, как в общих чертах, так и в региональных вариантах. Нам хотелось бы сделать акцент на изучении именно локального воплощения церковной реформы, поскольку, «говоря о Церкви и каноне, мы апеллируем не к чему-то целостному и неизменному, но к нашим представлениям о целостности и неизменности. И эти представления, и соотносимые с ними концепты могут существенно варьироваться как исторически, так и синхронно» [21, с. 72]. Религия на наш взгляд прежде всего, реализуется с учетом региональной специфики [22, р. 209], что делает наиболее интересным для исследователя выяснение местных вариантов ее бытования. Обращение к региональному материалу является необходимой ступенью для обобщений закономерностей присутствия религии в культуре. В качестве источников были использованы все доступные документы региональных архивов Прикамья, относящиеся к фонду Пермского епархиального управления (ПЕУ) и датированные 1922–1927 годами. К сожалению, не сохранилось текстов, принадлежавших другим учреждениям и частным лицам, которые были бы открыты для использования и позволяли верифицировать имеющийся материал, за исключением следственных дел, имеющих специфическое содержание.

Нам представляется интересным вопрос, каков был реформаторский потенциал тех, кто был вовлечен в осуществление реформы, о которой так много говорилось на рубеже XIX–XX веков в православном сообществе. Фигура клирика-обновленца возникает на перекрестке указаний сверху, перипетий повседневной жизни и ожиданий приходского окружения в послереволюционный период. Она «разговаривает» с историком посредством официальной и личной переписки, многочисленных прошений, докладных и жалоб. Написанные эмоционально, специфическим языком, с нарушением норм орфографии и пунктуации, документы дают возможность понять, что доминировало в сознании провинциального священника, примкнувшего к реформаторам церкви, – сознательная ориентация на реформу либо дух протеста, невозможности существовать в застывшей системе, или веками складывающийся конформизм по отношению ко всем одобряемым государством проектам. Ответ на этот вопрос позволит выявить стратегии поведения этой социальной группы и определить ее специфику в межвоенный период.

Реформаторский настрой подразумевает наличие аттракторов, стимулирующих кадры на местах к участию в ней. Среди предлагаемых обновленцами изменений внешне привлекательным для рядового клирика казалось не столько изменение богослужения в сторону модернизации, сколько демократизация управления. Существовавшее в Перми епархиальное управление, несмотря на принадлежность к реформаторскому течению, продолжало воспроизводить властную иерархию, исторически сложившуюся в русском православии. Анализ материалов фонда епархиального управления в Государственном архиве Пермского края [Ф. р-1, 1898–1937 гг.] показал неизменность набора документов, процедуры взаимоотношения руководства с духовенством на местах, порядка разбора жалоб и проведения следствия. По-прежнему сверху спускались указания по любому поводу, включая богослужения в честь юбилея Советской власти [23, л. 33]. Тем самым объявленная демократи-

зация обернулась для рядового клирика двумя новшествами – необходимостью в свободном диспуте доказывать преимущество предлагаемых реформаторами изменений перед традиционно сложившимся укладом церковной жизни и дополнительными просветительскими обязанностями по отношению к пастве. Новшества вводились сверху, т.е. не являлись предметом дискуссии на местах. Пространство свободного выбора оказалось ограниченным решением клирика, к какой церкви он готов принадлежать – гонимых властью сторонников патриарха Тихона или слегка обласканных новой администрацией последователей А. Введенского.

Общая активность разных слоев населения в ходе революционных событий и последующих военных действий, а также острые дискуссии в период проведения Поместного собора 1917–1918 годов позволяют предполагать, что среди духовенства были клирики, готовые претворять изменения в жизнь так, как им это представлялось. Сами иереи среднего и низшего звена были склонны рассматривать себя как относительно самостоятельный элемент в структуре церкви, свободный прежде всего от изнуряющего бремени присылаемых и собственных служебных бумаг [24, л. 19–28]. Они предполагали наличие возможности самостоятельно выбирать политическую позицию и стратегию социального поведения: «Мы – Еловский причт ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ, если мы падем в борьбе, – кто из нас куда будет устроен, дабы нам вести “Этот последний и решительный бой” не дрожащей рукой и с неподавленным настроением, а с сознанием силы и своего достоинства, – что мы не рабы, готовые идти из-за куска хлеба в услужение к темно-капризному “скопищу народному”» [25, л. 13] (здесь и далее сохранены стиль и орфография документов – С.Р.).

Однако руководство Новой церкви рассматривало клир как пропагандистов-агитаторов и эффективных организаторов, обязанных «произносить проповеди на выработанные Союзом темы... по вечерам вести беседы в духе обновления... сорганизовать летучие хоролекторские отряды для агитации по уездам» [26, л. 3].

Хотя в бумагах епархиального управления сохранились упоминания о тех священниках, кто успешно выполнял данные требования [27, л. 4], в большинстве своем клирики, особенно сельские, плохо «разбирались в церковных ориентациях» [28, л. 8]. Полное отчаяние читается в одном из рапортов благочинного иерея: «Мы как солдаты, дали ружье – то наши языки и не дали пороха и пуль! Нет у нас ни от куда ни из Перми и ни из Москвы ни каких указаний, ни разъяснений, ни руководства. Мы совершенно ничего не знаем: будет ли Вселенский Собор, где он будет, когда, ведутся ли какие либо подготовительные работы к Собору» [29, л. 22].

В управление периодически поступали запросы по частным аспектам нововведений, которым инициаторы реформ не уделяли внимания, а также ситуациям, возникающим в условиях секуляризирующегося государства. Примером может служить письмо с вопросом, можно ли причащать женщин, живущих гражданским браком по причине такого решения их мужей [30, л. 255]. В таких обстоятельствах сложно было ожидать от духовенства как осознанного отношения к вводимым изменениям, так и необходимой работы с паствой.

В результате реальные изменения коснулись только внешнего вида духовенства и распространившейся среди обновленцев практики повторного вступления в брак. Возможно, это было обусловлено простотой реализации именно этой части реформы. Провинциальное духовенство своим поведением и светским образом жизни копировало представи-

телей епархиального управления и в случае претензий от руководства по поводу неподобающего вида оправдывалось «высочайшим примером»: «если идет по городу протоиерей из членов епархиального управления в штатском то не узнаешь его, что он протоиерей, когда только осмотришься серьезно да ведь это идет член управления, вот как ходят модно, а мы ково хуже» [31, л. 12].

Приходится признать, что готовность к реформам прикамского духовенства в межвоенные годы была реализована очень слабо, и это объясняется рядом причин: информационная и психологическая неподготовленность среднего и низшего клира, включая и уровень духовного образования; отсутствие эффективных административных мер для осуществления преобразований; предпочтение авторитарных способов решения проблемы. Оказалось невозможным в короткий срок превратить священство, веками воспроизводившее традиционную церковную иерархию и уклад, в преобразователей религиозного пространства.

Несмотря на невысокий реформационный потенциал, обновленческие клирики все-таки отличались от тихоновского духовенства, и не только внешним видом. Особенности их должностного и бытового поведения, декларируемый набор ценностей, отношение к власти внешне выглядели как акт протеста против сложившегося уклада провинциальной православной жизни. Позволяет ли все это говорить о доминировании протестного компонента в мировоззрении обновленческого клира?

Вариантом наблюдаемого протеста духовенства против системы было несогласие с политикой советского государства, пусть и в мелочах. Так, один из протоиереев был обвинен в дискредитации деятельности работников ЗАГСа, отказавшись крестить младенца под записанным в свидетельстве именем Роза как не православным [32, л. 24]. С точки зрения канона поступок священника был полностью правомочным, но канон уже почти не имел значения ни для тех прихожан, кто еще считал необходимым крестить ребенка, ни для новой власти. В условиях активной секуляризации общества, когда церковь лишили конкурентоспособности даже в сфере обрядов жизненного цикла, такое поведение никак не было «на руку» клирику и его руководству, особенно в части сохранения паствы. Едва ли такое поведение было инспирировано специальными циркулярами вышестоящих иереев, заискивающих перед режимом и, что гораздо более значимо, готовых к изменениям церковной жизни, поэтому этот вызов новым нормам, в том числе и имянаречения, стоит отнести на счет особенностей характера самого протоиерея. Другими словами, этот микробунт возник не благодаря, а вопреки предлагаемым обновленцами реформам и был одним из единичных случаев.

Гораздо чаще протестный потенциал был направлен на конкурентов – тихоновцев. Конфликты начинались уже на уровне приходов: «Священник в этой церкви служит по старому стилю, а диакон по новому, поэтому богослужения проходят по-разному» [33, л. 73]. Однако это противодействие больше имело характер позиционной войны – тот же канон не давал духовенству возможности заниматься физическим устранением или причинением вреда конкурентам; бедность части приходов заставляла даже соседствовать в одном храме с идейными противниками [34, л. 22]; кадровая неукомплектованность не позволяла легко отказаться от кого-то из служителей под угрозой свертывания богослужения. Для протеста как бунта не было ни пространства, ни полномочий.

Оставался еще один объект, на который было направлено недовольство существующей системой, – вышестоящее начальство. Несогласие с поступающими сверху распоряжениями

совершенно неприемлемо в традиционной церковной иерархии православия, потенциально влечет за собой разного рода репрессивные меры, вплоть до запрета на профессию – вывода за штат. Тем не менее случаи неповиновения среди обновленческого духовенства были нередки. В основном они связаны с нежеланием работать в месте назначения и отличаются только способами возможного решения проблемы.

Первый способ – изменение ситуации явочным порядком: некий священник, будучи назначен в с. Денисовка, отслужил пару обеден, собрал пожертвования и уехал, отправив в епархиальное управление заявление о переводе за штат [35, л. 56], впрочем, по неизвестным причинам потом передумал и прислал письмо с извинениями [36, л. 57]. Привычной, но более затяжной стратегией поведения становились потоки прошений о переводе на приход поближе к Перми. В качестве своеобразной взятки за перевод священнослужитель мог предложить усиление пропаганды перехода новых приходов в обновленчество [30, л. 97]. Но тут клирики сами становились заложниками сложившейся в церкви ситуации: новая церковь, как и тихоновская, считала себя вправе свободно распоряжаться кадрами, взамен предлагая ряд приятных компенсаций вроде бритья бород и второбрачия священников. Духовенство тем самым помещалось в ситуацию выбора между финансовым благополучием и комфортом личной жизни.

Экстремальными выглядели попытки воздействовать на епархиальное управление при помощи шантажа. Он мог принимать разные формы: от запугивания возможными психическими отклонениями: «Если же Вы меня не хотите перевести обратно, то знайте, что со мной случится что-нибудь обязательно даже вплоть до сумасшествия» [37, л. 26] до угроз изменить организационную аффилиацию: «...я же в случае его назначения ЕУ в Полазну сделаю так. Перейду к староцерковникам, Шучалову как рукоположенному епископом Николаем кунгурским не разрешу служить, и поэтому он примет второе рукоположение, а я снова буду обновленцем и удалю его» [38, л. 39]. Другое дело, что в документах не сохранилось ни одного упоминания – при всем обилии внутрицерковной переписки, – что этот шантаж оказался эффективным, а претензии на настоящее бунтарское поведение – состоятельными.

Пожалуй, только в одном аспекте представители обновленческого клира полностью реализовали свой потенциал сопротивления системе. Речь идет о множественных случаях нарушения этических норм. Отметим, что приведенные здесь ситуации описаны не антирелигиозно настроенными представителями райкомов или враждебными новой церкви тихоновцами. Вся информация взята из официальной переписки и материалов внутренних расследований Пермского епархиального управления: «...много поступает сведений о том, что многие священно-церковно-служители позволяют себе 1) ношение советской одежды даже за богослужением во св. храме и при требосправлениях на домах прихожан, 2) курение табаку в сторожках и на папертях храмов, в домах прихожан и хождение с папиросами по улицам и 3) некоторые из них замечены в пьянстве, кумышковадении и т.д.» [39, л. 25].

Иногда о проступках сообщалось более подробно, со ссылками на персоналии: «Священник Вл. Тудвасев пьет, бьет жену, материт верующих. В праздники ходит с пьяными мужиками и заводит “негодные споры”» [40, л. 103]. Встречаются примеры явных психических отклонений у священнослужителей, про одного из которых писали, что он «скуп, ест один хлеб, просит готовить ему из уже испорченных продуктов, дома ходит в «кольцонах» и «опаразитился» [41, л. 41]. Снижение уровня соответствия моральным требованиям сказывалось и на богослужебной практике: «В виду в нашей церкви многих без-

порядков и пьянства нашими руководителями церкви как то, Настоятелем и старостой и не исполняющие некоторые требы. Священником Ив. Ивановым отпущено несколько человек без покаяния... да и много случаев было кроме того вымогательстве за покойников... он груб слишком» [42, л. 58]. Один из священнослужителей просто не явился на отпевание утопшего ребенка, потому что «спал дома» [43, л. 109].

Злоупотребление алкоголем было одной из самых болезненных проблем для священнослужителей Прикамья и в сочетании с дебоширством вынуждало руководство принимать крайние меры – запрещать в служении [44, л. 90], лишая единственного источника дохода. Так поступили с дьяконом, который, по словам прихожан, служил пьяным, рассказывал, что «попы обманывают народ», матерился и «дразнил Бога» [44, л. 93]. Дознание показало, что он выгонял из дома жену, будучи в нетрезвом состоянии, «бросал пряный пирог в окно с верхнего этажа в квартиру дьякона кузнецова, как этим пирогом изломал верхнее большое стекло... выбежал на дорогу, отыскал пирог и зайдя в ограду под смех собравшейся публики начал в ограде с обломками пирога проделывать разные глупости» [26, л. 93].

Судя по сохранившимся документам, можно было говорить о существовании «династий» выпивающих клириков. Протоиерей Иоанн Мичков писал, что и отец провинившегося «дьякон Митрофан булычев тоже ходил в Пасху пьяный, с отборной бранью неся икону и крест») [45, л. 2]. Такие случаи все больше становились правилами, а не исключениями [46, л. 16], имея место на всей территории региона: «Дьякон Ларионов, прослужив 1 мес., скрылся. Получил от Совета 25 руб. якобы на перевозку семьи из Верхотурья. До этого несколько дней пьянствовал и являлся на службу в нетрезвом виде, несмотря на то, что прихожане оплачивали ему квартиру, снабжали продуктами и платили жалование» [47, л. 6]; священник Сарафанов «напился вдрызг, пьяный боролся на собравшихся публике тянулся палкой называл себя непопом а простым мужиком... курил табак... свалил мужика под себя и помял эго хвалясь своим могуществом» [48, л. 16]. Один из представителей явно дореволюционного священства с возмущением писал, что «в янв. 26 года дьякон теряя кропило, на масленой был на именинах у певчего Соларева, напился, оттуда его увез церковный староста на лошади, а дьякон распевал на улице “Как польску Маша жала”, а затем в одном доме в присутствии неверующих пустился в пляс, и в результате на другой же день весь завод говорил о том что “Поп был пьян пел песни и плясал так что только полы у подрясника развевались”» [49, л. 37–38]. Аналогичные сообщения встречаются и у представителей ревизионных комиссий: священник М. Голубев «шляется по ночам... производит с сору... нахальным образом просит в деревнях брагу и пива» [50, л. 159]. Прихожане одного из северных приходов обратились в епархию с просьбой заменить священника, который, будучи пьяным, потерял бархатную скуфью, превращенную предприимчивыми сельчанами в кисеты для табака [51, л. 7].

Некоторые члены причта были замечены в более серьезных нарушениях: одно из сохранившихся писем повествует о том, что «священник Сосунов живет сразу с тремя женщинами» [52, л. 29]. Примечательно, что в ходе разбирательства Высшее церковное управление принимает решение удовлетворить просьбу молодого священника, написавшего жалобу, и перевести на другой приход, оставив на месте клирика, совершающего прелюбодеяние. Сохранились письма и докладные о «бабничающем псаломщике», который играет на балалайке и участвует в представлениях [45, а, л. 82–83], о дьяконе, который выпивает в домах прихожан, поет и пляшет, клеветает на священника [38, л. 125–126], протоколы дознания по поводу изнасилования одним из дьяконов прихожанок [53].

В правдоподобность некоторых текстов с трудом верится: «имел «наложницу», выпивал, отравил (со слов односельчан) жену, покупал пиво, бросил двоих малолетних детей и был замечен в употреблении спиртных напитков с любовницами на вокзале (последний факт обвиняемый в ходе дознания усердно отвергал) [54, л. 19–30]. Однако приходится признать реальность описанных случаев, поскольку встречаются верифицирующие документы. Священники примерного поведения встречались достаточно редко. Поэтому верующие, нуждающиеся в отправлении культа, предпочитали выбрать меньшее из зол. Так, ПЕУ сообщает о снятии с должности дьякона Березина за непристойные предложения и домогательства по отношению прихожанкам («залес под подол») [55, л. 4], и очень скоро прихожане просят о его восстановлении, устав от сильно пьющего преемника [35, л. 60].

Сфера нравственности оказалась единственной, в которой новое духовенство смогло проявить свою потребность во внесистемности, но, по нашему мнению, это не стоит связывать с деятельностью обновленческой церкви, поскольку аналогичные случаи, пусть и не детально описанные, встречаются в дореволюционных клировых ведомостях. Поэтому в какой-то мере это был не столько бунт против устоев, сколько воспроизведение традиции с поправкой на изменяющуюся историческую реальность.

Невозможность и неспособность реформировать и бунтовать сыграла роль своеобразного социального лифта, работающего в одном направлении – вниз. Яркой иллюстрацией утери обновленческим духовенством авторитета в среде крестьянства, снижения уровня грамотности клириков и погружения в экономические проблемы может служить такое письмо: «Настоящим извещаю, что благополучно прибыл к месту служения с. Обвинского, с великим трудом добрался до села грязь непролазная, 7 верст шол пешком ночью хотел поспешить к Воскресению, утром послал звонить к утренне. Монашки сторожихи ответили что не кого не пускают без старосты, я пошел сам стучал 3 раза наконец открыли, “мы плохо слышим” был ответ. Утреню звонит не за что не стали конечно не просфор и не вина, пришел староста а притворился что не он, административными мерами к часам позвонили пришло людей человек 15, а затем больше стали прибывать, отслужил часы сказал проповедь и “властию мне данною” устроил всех, храм нетоплен дров нет, летний храм не закрыт, и рамы не вставлены, сей час же после часов все верующие и я вставили рамы отгородили летний храм, вина нехотели давать да я знал что при обыске серебра у старосты дома нашли вина 3 б. тоже раскопал, просфорня отказалась печь просфоры, я спросил жалование получила за октябрь не будет печь отправлю в милицию, и дело вышло, дров взял слово с членов совета доставить чрез 2 дня, квартиры не было голодом как из Карагая так до 3х часов в воскресенье ничего не ел тоже заставил временно устроили, служить не с кем надо служить каждый день псаломщика нет, служу часы... чернил нет, прошу извинить» [56, л. 97].

Этот случай нельзя считать единичным. К проблемам организационного и информационного характера добавлялись экономические – требующие ремонта храмы, реквизированные здания для проживания причта, неудобное для традиционно многосемейных клириков жилье: «...квартира невозможная. Это какая то конюшня с выбитыми стеклами, подполье которой наполнено в продолжение всего года грязною вонючею жижей. И в этой то квартире я жив и живу с семьею в 8 человек, к тому же в ней же ютится псаломщик, и за последнее время (*неразб.* – С.Р.) в семье в 6 человек (длина квартиры 8 арш., ширина 6 арш., высота 3 арш.)» [57, л. 29]. Одна из верующих с укором писала в епархиальное управление, что престарелый больной священник не имеет пенсии и живет за счет помощи людей [58, л. 41].

Незавидна финансовая участь части клириков, особенно сельского причта – «очень бедно, нет дров у священника. За службу на Вознесение получили 26 копеек» [59, л. 99], неполный штат (богослужения ведет один священник) [59, л. 110] – вынуждали отказываться от службы. Менее предприимчивые священники начинали подрабатывать охотничьим промыслом [60, л. 9] или пытались выжить за счет собственного огорода. Почти нормой стала нищета большей части клира: «Незнаю, надолго ли хватит моих сил и средств оставаться в таком неопределенном положении, или бедность побудит меня сделаться пленником Тихоновского раскола?» [61, л. 13]. Немощные, имеющие плохое здоровье служители иногда отказывались от службы в крупных приходах губернского центра, не принимая во внимание возможные финансовые трудности после ухода за штат [62, л. 53].

Наличие в большинстве сельских церквей неполного штата, огромные налоги на духовенство, многодетность в сочетании с очень низким уровнем доходов, мобилизация на лесозаготовки ставили духовенство как социальную группу на грань выживания, заставляли искать новые источники заработков: «священник С. Удников от себя наценку делает на свечи 200 %, на ладан 800 %» [63, л. 156], нарушать законодательство: «священник украл из церковных сумм 16 рублей 68 коп.» (вместо оплаты страховки, оплатил себе поезд из села – С.Р.) [64, л. 122], менять социальный статус, а в случае невозможности последнего – служить в чужих приходах [33, л. 100], менять правила богослужения и отправления треб, игнорируя распоряжения сверху: ««Дьякон даже без меня уж начал служить в домах. Пропоеет Тропарь, скажет ектению, окропит водой, да разве это допустимо?» [38, л. 37–38].

Необходимость постоянно подстраиваться под новые условия жизни порождала конформизм во взглядах и неразборчивость в способах решения насущных задач, подкрепленные низким образовательным уровнем. Сохранился рапорт прихожан в епархиальное управление о том, что священник выразил «великую радость» по поводу выхода из обновленчества и перехода к сторонникам патриарха, так как «в Административном отделе ему сказали, что для них все равно, что Тихоновцы, что обновленцы» [65, л. 49]. Приспособленчество оказалось наиболее распространенной стратегией социального поведения, определившей место клира в социальном пространстве на десятилетия вперед.

Провинциальное духовенство новой церкви в 1920–1930 годах не могло и не хотело быть движущей силой тех реформ, о которых говорили инициаторы преобразований и рассуждала образованная интеллигенция. Рядовой священник, выбирающий обновленчество, оказался не готовым и не способным поменять не только окружающий его традиционный уклад церковной жизни, но и самостоятельно перестроиться, чтобы чувствовать себя органично в изменяющемся мире либо активно противостоять ему. Эту особенность клира на местах нельзя считать определяющей причиной провала церковных преобразований, но она определенно внесла свой вклад в формирование нового, внешне атеистического государства.

Список литературы

1. Шилкина М.В. Подходы к изучению «обновленчества» в церковной и светской литературе // Вестник РГГУ. – 2011. – № 17(79). – С. 174–180.
2. Лавринов В.В. Историография обновленческого движения в Русской православной церкви в 1920-е – 1940-е гг. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 24. – С. 151–158.
3. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. – М.: Лениздат, 1987. – 305 с.

4. Крывелев И.А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. – М.: Знание, 1982. – Сер.: Научный атеизм. – 64 с.
5. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М.: Политиздат, 1981. – 263 с.
6. Курочкин П.К. Социальная позиция русского православия. – М.: Знание, 1969. – 45 с.
7. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. – М.: Наука, 1968. – 192 с.
8. Трифонов И.Я. Раскол Русской православной церкви (1922–1925 гг.) // Вопросы истории. – 1972. – № 5. – С. 64–57.
9. Шейнман М.М. Обновленческое течение в Русской православной церкви после Октября // Вопросы научного атеизма. – № 2. Модернизация религии в современных условиях. – М., 1966. – С. 41–64.
10. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 367 с.
11. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М., 1991. – 400 с.
12. Булавин М. Факторы сохранения крестьянской религиозности в период 1920-х гг. (на материалах Среднего Урала) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы VI междунар. науч. конф. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2007. – С. 29–34.
13. Каплин П.В. Взаимоотношения Русской православной церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.
14. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.
15. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 35–46.
16. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века // Учен. зап. Рос. правосл. ун-та ап. Иоанна Богослова. – 2000. – № 6. – С. 5–50.
17. Степанов А.С. Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг. [Электронный ресурс]: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – URL: <http://anti-raskol.ru/pages/1442> (дата обращения: 11.12.2017).
18. Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг. [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2002. – URL: <http://geum.ru/aref/a2-19-ref.php> (дата обращения: 11.12.2017).
19. Поспеловский Д.В. Обновленчество. Переосмысление течения в свете архивных документов // Вестник русского христианского движения. – 1993. – № 168. – С. 197–227.
20. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
21. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2004. – 544 с.
22. Stump R.W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation // Review of Religious Research. – 1986. – Vol. 27, no. 3. – P. 208–225.
23. Лавринов В.В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале. (1922–1945 гг.). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2007. – 308 с.
24. Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922 гг. – Пермь: Изд-во ПГПУ; Изд-во УрГУ, 2004. – 335 с.

25. Рапорт в ПЕУ благочинного II Осинского округа протоиерея И. Мичкова // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 180.
26. Протокол дознания дьякона А.М. Булычева // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 28.
27. Журнал съезда духовенства и мирян Пермской епархии (17–18 июля 1928 г.) // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 19.
28. Доклад в Пермский епархиальный миссионерский отдел // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 109.
29. Рапорт в ПЕУ Благочинного 2-ого Оханского уезда протоиерея Николая Фастрицкого от 28.02.1925 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 183.
30. Письмо священника Иоанна Волкова // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 40.
31. Рапорт в ПЕУ священника Голубятской Успенской церкви о. Иоанна Волкова // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 153.
32. Рапорт в ПЕУ протоиерея Александра Маляхинского // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 199.
33. Рапорт благочинного 3 Усольского округа священника Александра Маляхинского от 09.1923 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 192.
34. Прошение в ПЕУ протоиерея Чусовской ксенииевской церкви Василия Славнина от 21.07.1926 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 151.
35. Письмо благочинному Добрянского района протоиерея С. Удникова в ПЕУ // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 30.
36. Письмо благочинному Верещагинского района в ПЕУ от 5. 08. 1928 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 29.
37. Письмо Протоиерею иерея села Дворум от 19.4.1923 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 75.
38. Рапорт в ПЕУ Благочинного 6 округа Пермского уезда священника Сергия Удникова (май 1925) // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 160.
39. Циркуляр «Всем благочинным, настоятелям и причтам церквей Пермской епархии» // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 15.
40. Протокол Церковного Совета Аргинской Пророко-Ильинской церкви Нытвенского района от 28.08.1928 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 29.
41. Письмо архиепископу Михаилу от 8. 08. 1929 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 36.
42. Заявление архиепископу Пермскому Михаилу от учредителей Нытвенской Всесвятской кладбищенской церкви // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 42.
43. Допрос свидетелей по делу Протоиерея Ивановского в Нытвенской религиозной общине // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 42.
44. Письмо благочинному четвертого округа Верещагинского и Очерского районов прот. О. Иоанну Мичкову от настоятеля Дворецкой Свято-Николаевской церкви Очерского района протоиерея Д. Винокурова от 23.06. 1928 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 28.
45. Письмо протоиерея Иоанна Мичкова в ПЕУ // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 29.

- а. Письмо священника // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 151.
45. Протокол объединенного собрания членов Президиума Союза общин и членов управления // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 23.
46. Заявление причта Майкорской Богоявленской церкви о частом пьянстве дьякона // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 82.
47. Письмо в ПЕУ от прихожан Паийской заводской Свято-Троицкой церкви от 4.01.1924 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 93.
48. Донесение архиепископу Николаю // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 159.
49. Рапорт в ПЕУ Благодичного 6 округа Пермского уезда протоиерея Сергия Удникова от 23.06.1926 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 153.
50. Заявление Председателю ПЕУ Члена Церковно-ревизионной комиссии С. Юрича Усольского уезда И.Г. Ефремова // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 192.
51. Прошение в ПЕУ церковного Совета Симонятской Петропавловской церкви // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 188.
52. Письмо в ПЕУ от священника Николая Павлова от 14.05.28 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 28.
53. Протоколы об изнасиловании двух женщин // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 151.
54. Дознание о проступках против благоповедения и интересов Церкви псаломщика-священника Иакова Митяшева // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 29.
55. Постановление ПЕУ от 2 сентября 1928 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 30.
56. Письмо в президиум ПЕУ священника Иоанна Власова от 3.11.1930 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 40.
57. Письмо архиепископу от священника от 18.07.25 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 157.
58. Письмо прихожанки в ПЕУ // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 75.
59. Докладная записка от 7.10.1933 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 19.
60. Прошение священника от 29.03.1923 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 61.
61. Письмо Архиепископу от священника Михаила Подьянова от 14.07.1925 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 167.
62. Прошение о переводе за штат // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 40.
63. Рапорт Благодичному 3 округа Чердынского уезда протоиерею Ювеналию Копытову от причта и приходского Совета // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 215.
64. Письмо исполнительного органа Шергинской церкви в ПЕУ // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 40.
65. Рапорт в ПЕУ // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 75.

References

1. Shilkina M. V. Podkhody k izucheniiu «obnovlenchestva» v tserkovnoi i svetskoi literature [The approaches to the studying of the renovationism in the church and secular literature]. *Vestnik Rossiiskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*, no. 17(79), pp. 174–180.
2. Lavrinov V. V. Istoriografiia obnovlencheskogo dvizheniia v russkoi pravoslavnoi tserkvi v 1920-e–1940-e gg. [Historiography of the Renovatoinist Movement in Russian Orthodox Church in 1920-1940]. *Vestnik Cheliabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2008, no. 24, pp. 151–158.
3. Gordienko N. S. *Sovremennoe russkoe pravoslavie* [Contemporary Russian Orthodoxy]. Moscow, Lenizdat, 1987, 305 p.
4. Kryvelev I. A. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v pervoi chetverti XX veka [Russian orthodox church in the first quarter of the XX century]. Moscow, Znanie. Seria: Nauchnyi ateizm, 1982, 64 p.
5. Kuroedov V. A. *Religiia i tserkov' v Sovetskom gosudarstve* [Religion and Church in the Soviet State]. Moscow, Politizdat, 1981, 263 p.
6. Kurochkin P. K. *Sotsial'naia pozitsiia russkogo pravoslaviia* [Social position of the russian clergy]. Moscow, Znanie, 1969, 45 p.
7. Plaksin R. Iu. *Krakh tserkovnoi kontrevoliutsii 1917–1923 gg.* [The crash of the church counterrevolution 1917–1923]. Moscow, Nauka, 1968, 192 p.
8. Trifonov I. Ia. *Raskol Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1922-1925 gg.)* [The Split of Russian Orthodox Church]. *Voprosy Istorii*, 1972, no.5, pp. 64-57.
9. Sheinman M.M. *Obnovlencheskoe techenie v Russkoi pravoslavnoi tserkvi posle Oktabria* [Renovationist Movement in Russian Orthodox Church after October]. *Voprosy Nauchnogo Ateizma, Modernizatsiia religii v sovremennykh usloviakh*, no. 2, pp. 41–64.
10. Shishkin A. A. *Sushshnost' i kriticheskaia otsenka "obnovlencheskogo" raskola russkoi pravoslavnoi tserkvi* [Essence and critical evaluation of the "renovationist" split of russian orthodox church]. Kazan', Kazanskii universitet, 1970, 367 p.
11. Alekseev V.A. *Illuzii i dogmy* [Illusions and Dogma]. Moscow, 1991, 400 p.
12. Bulavin M. *Factory sokhraneniia krest'ianskoi religioznosti v period 1920-kh gg. (Na materialakh Srednego Urala)* [Factors of Maintaining of Country Religiosity during the 1920th. (On the Materials of Central Ural)]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX veka: Proceedings of the VI rd International Conference*. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 29–34.
13. Kaplin P. V. *Vzaimootnosheniia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i gosudarstvennoi vlasti v SSSR v 1927–1938 gg. (Na materialakh Urala)* [The Relationship of Russian Orthodox Church and the Government in the USSR in 1927-1938. (On the Materials of the Urals)] Abstract of Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 2006, 23 p.
14. Vasil'eva O.Iu. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Sovetskaia vlast' v 1917-1927 gg.* [Russian Orthodox Church and Soviet Power during 1917-1927]. *Voprosy Istorii*, 1993, no. 8, pp. 40–54.
15. Vasil'eva O.Iu. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Sovetskaia vlast' v 1927-1943 gg.* [Russian Orthodox Church and Soviet Power during 1927-1943]. *Voprosy Istorii*, 1994, no. 4, pp. 35–46.
16. Shkarovskii M. V. *Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX veka* [Renovationist movement in Russian Orthodox Church in XX century]. *Uchenye Zapiski Rossiiskogo Pravoslavnogo Universiteta ap. Ioanna Bogoslova*, 2000, no.6, pp. 5-50.
17. Stepanov A. S. *Obnovlencheskii raskol kak sredstvo antitserkovnoi politiki sovetskoii vlasti v 1922-1923 gg.* [Renovationist Split as a Method of Anti-Church Soviet Policy in 1922-1923] Diss. kand. ist. nauk. [website]. URL: <http://anti-raskol.ru/pages/1442> (mode of access: 11. 12. 2017).
18. Golovushkin D. A. *Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1905-1925 gg.* [Renovationist movement in Russian Orthodox Church in 1905-1925]. Abstract of Ph. D. thesis. Iaroslavl', 2002. available at: <http://geum.ru/aref/a2-19-ref.php> (accessed 11 December 2017).
19. Pospelovskii D. V. *Obnovlenchestvo. Pereosmyslenie techeniia v svete arkhivnykh dokumentov* [Renovationism. Reconsideration of the Movement in the Light of Archival Documents]. *Vestnik Russkogo Khristianskogo Dvizheniia*, 1993, no. 168, pp. 197–227.
20. Pospelovskii D. V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in XX century]. Moscow, Respublika, 1995, 511 p.
21. Panchenko A. A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina i skopchestvo: The Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]. 2nd e. Moscow, Obedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2004, 544 p.
22. Stump R. W. *Regional Variations in the Determinants of Religious Participation.* *Review of Religious Research*, 1986, Vol. 27, no. 3, pp. 208–225.
23. Lavrinov V. V. *Ocherki istorii obnovlencheskogo raskola na Urale. (1922–1945 gg.)* [History scetches of the renovationist split in Ural (1922–1945 gg.)]. Moscow, Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia, 2007, 308 p.
24. Nechaev M.G. *Tserkov' na Urale v period velikikh potriasenii 1917–1922 gg.* [Church in the Urals during the period of great upheaval: 1917-1922]. Perm', Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 2004, 335 p.
25. *Raport v PEU blagochinnogo II Osinskogo okruga protoiereia I. Michkova* [The official report in PEU of the Decent of II Osinsky District Archpriest I. Michkov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d.180.
26. *Protokol doznaniia d'iakona A. M. Bulycheva* [Protocol of inquiry of the deacon A.M. Bulychev]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of Perm kraj], f. r-1, op. 1, d. 28.
27. *Zhurnal s'ezda dukhovenstva i mirian Permskoi eparkhii (17-18 iulia 1928 g.)* [Magazine of a Congress of Clergy and Laymen of the Perm Diocese (on July 17-18, 1928)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 19.
28. *Doklad v Permskii eparkhial'nyi missiionerskii otdel* [The Report in the Perm Diocesan Missionary Department]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 109.
29. *Raport v PEU Blagochinnogo 2-ogo Okhanskogo uezda protoiereia Nikolaia Fastritskogo ot 28.02.1925* [The official report in PDA of the Decent Priest of the 2nd Okhansky County Archpriest Nikolay Fastritsky of 28. 02.1925]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d.183.

30. Pis'mo sviashshennika Ioanna Volkova [The letter of Priest Ioann Volkov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 40.
31. Raport v Permskoe eparhial'noe upravlenie sviashshennika Golubiatskoi Uspenskoj tserkvi o. Ioanna Volkova [The official report in PDA of the Priest of Golubyatsky Church of the Assumption Ioann Volkov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 153.
32. Raport v Permskoe eparhial'noe upravlenie protoiereya Aleksandra Maliakhinskogo [The Official Report in PDA of the Archpriest Alexander Malyakhinsky]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 199.
33. Raport blagochinnogo 3 Usol'skogo okruga sviashshennika Aleksandra Maliakhinskogo ot 09.1923 [The official report of Decent of 3th Usolye District Priest Alexander Malyakhinsky from 09.1923]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 192.
34. Proshenie v Permskoe eparhial'noe upravlenie protoiereia Chusovskoi ksenievskoi tserkvi Vasilii Slavnina ot 21.07.1926 [The Application in PDA of the Archpriest of Chusovsky Kseniyevsky Church Vasily Slavnin from 21.07.1926]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 151.
35. Pis'mo blagochinnogo Dobrianskogo raiona protoiereia S. Udnikova v Permskoe eparhial'noe upravlenie [The letter of Decent of Dobryansky District Archpriest S. Udnikov in PDA]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 30.
36. Pis'mo blagochinnomu Vereshshaginskogo raiona v Permskoe eparhial'noe upravlenie ot 5.08.1928 [The letter of Decent of Vereshchaginsky District in PDA from 5.08.1928]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 29.
37. Pis'mo Protoiereyu iereya sela Dvorum ot 19.4.1923 [The letter to the Archpriest of the Priest of the Village of Dvorum from 19.4.1923]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 75.
38. Raport v Permskoe eparhial'noe upravlenie Blagochinnogo 6 okruga Permskogo uezda sviashshennika Sergiia Udnikova (mai 1925) [The official report in PDA of the Decent of 6th District of the Perm County Priest Sergiy Udnikov (May, 1925)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 160.
39. Tsirkuliar "Vsem blagochinnym, nastoiateliam i prichtam tserkvei Permskoi eparkhii" [Circular "For All Decent, to Priors and Priests of Churches of the Perm Diocese"]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 15.
40. Protokol Tserkovnogo Soveta Arginskoi Proroko-Il'inskoi tserkvi Nytvenskogo raiona ot 28.08.1928 [The Protocol of Church Council Arginska Proroko-Ilyinskaya Church of Nytvensky District from 28.08.1928]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 29.
41. Pis'mo arkhiepiskopu Mikhailu ot 8.08.1929 [The letter to the archbishop Mikhail from 8.08.1929]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 36.
42. Zaiavlenie arkhiepiskopu Permskomu Mikhailu ot uchreditelei Nytvenskoj Vsesviatskoj kladbishshenskoj tserkvi [The Statement to the Archbishop Perm Mikhail from Founders of Nytvenskaya Vsesvyatskaya Cemeterial Church]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 42.
43. Dopros svidetelei po delu Protoiereia Ivanovskogo v Nytvenskoj religioznoj obshshine [Interrogation of Witnesses in the Case of the Archpriest of Ivanovskoye in the Nytvensky Religious Community]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 42.
44. Pis'mo blagochinnomu chetvertogo okruga Vereshshaginskogo i Ocherskogo raionov prot. O. Ioannu Michkovu ot nastoiatelja Dvoretsskoj Sviato-Nikolaevskoi tserkvi Ocherskogo raiona protoiereia D. Vinokurova ot 23.06.1928 [Letter to Decent of fourth district of Vereshchaginsky and Ochersky districts archpr. O. Ioann Michkov from the prior of Dvoretssky Sacred and Nikolaev Church of Ochersky District of the archpriest D. Vinokurov from 23.06.1928]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 28.
45. Pis'mo protoiereia Ioanna Michkova v Permskoe eparhial'noe upravlenie [The Letter of the Archpriest Ioann Michkov in PDA]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 29.
- a. Pis'mo sviashshennika [The letter of Priest]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 151.
45. Protokol ob'edinennogo sobranija chlenov Prezidiuma Soiuza obshshin i chlenov upravleniia [Protocol of the joint meeting of members of presidium of the union of communities and members of administration]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 23.
46. Zaiavlenie prichta Maikorskoj Bogoiavlenskoi tserkvi o chastom p'ianstve d'iakona [Statement of the Maykorsky Bogoyavlensky Church of Frequent Alcoholism of the Deacon]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 82.
47. Pis'mo v Permskoe eparhial'noe upravlenie ot prikhozhdan Paiiskoi zavodskoi Sviato-Troitskoj tserkvi ot 4.01.1924 [The Letter in PDA from Parishioners of Paiisky Factory Sacred Trinity Church from 4.01.1924]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 93.
48. Donesenie arkhiepiskopu Nikolaiu [Report to the Archbishop Nikolay]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 159.
49. Raport v Permskoe eparhial'noe upravlenie Blagochinnogo 6 okruga Permskogo uezda protoiereia Sergiia Udnikova ot 23.06.1926 [The official report in PDA of the Decent of 6th District of the Perm County Priest Sergiy Udnikov from 23.06.1926]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 153.
50. Zaiavlenie Predsedatelju Permskoe eparhial'noe upravlenie Chlena Tserkovno-revizionnoi komissii S. Iuricha Usol'skogo uezda I. G. Efremova [Statement to the Chairman of PDA of the Member of Church Audit Commission of the Village of Yuricha of the Usolye County I.G. Efremov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 192.
51. Proshenie v Permskoe eparhial'noe upravlenie tserkovnogo Soveta Simoniatskoj Petropavlovskoi tserkvi [The Application in PEU of Church Council of Simonyatsky Peter and Paul Church]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 188.
52. Pis'mo v Permskoe eparhial'noe upravlenie ot sviashshennika Nikolai Pavlova ot 14.05.28 [The Letter in PDA from the Priest Nikolay Pavlov from 14.05.28]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 28.
53. Protokoly ob iznasilovanii dvukh zhenshshin [Protocols on rape of two women]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 151.
54. Doznanie o prostupkakh protiv blagopovedeniia i interesov Tserkvi psalomshshika-sviashshennika Iakova Mitiasheva [Inquiry about Offenses against a Blagopovedeniye and the Interests of Church of the Psalm Reader-priest Jacob Mityashev]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 29.
55. Postanovlenie Permskoe eparhial'noe upravlenie ot 2 sentiabria 1928 g. [Resolution of PDA of September 2, 1928]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*, f. r-1, op. 1, d. 30.

-
56. Pis'mo v prezidium Permskoe eparhial'noe upravlenie sviashshennika Ioanna Vlasova ot 3.11.1930 [The letter to Presidium of PDA of the Priest Ioann Vlasov from 3.11.1930]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 40.
57. Pis'mo arkhiepiskopu ot sviashshennika ot 18.07.25 [The letter to the archbishop from the priest from 18.07.25]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 157.
58. Pis'mo prikhodzhanke v Permskoe eparhial'noe upravlenie [The Letter of the Woman-parishioner in PDA]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 75.
59. Dokladnaia zapiska ot 7.10.1933 [Report from 7.10.1933]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 19.
60. Proshenie sviashchennika ot 29.03.1923 [Application of the priest from 29.03.1923]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 61.
61. Pis'mo Arkhiepiskopu ot sviashchennika Mikhaila Pod'ianova ot 14.07.1925 [The letter to the Archbishop from the Priest Mikhail Podyanov from 14.07.1925]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 167.
62. Proshenie o perevode za shtat [The application about withdrawing for staff]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 40.
63. Raport Blagochinnomu 3 okruga Cherdynskogo uezda protoiereiu Iuvenaliiu Kopytovu ot prichta i prikhodskogo Soveta [The official report to the Cherdyn County the Archpriest Yuvenaly Kopytov from the Pricht and Parish Council]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 215.
64. Pis'mo ispolnitel'nogo organa Sherginskoi tserkvi v Permskoe eparhial'noe upravlenie [The Letter of Executive Council of Sherginsky Church in PDA]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 40.
65. Raport v PEU [Report to PDA]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia*. f. r-1, op. 1, d. 75.